

ДОМ-САМОСТЬ, ИЛИ МУЗЕЙ БУДУЩЕГО ВО СНЕ-НАЯВУ (между 145-летием начинания и 60-летием кончины К.Г. Юнга (1875–1961))

Морозов И.В.

Учреждение образования «Белорусский государственный университет
культуры и искусств», Минск

Среди мыслителей современности выделяется уникальная фигура Карла Густава Юнга, основоположника глубокой психологии, ярко повлиявшей на всю антропологическую систему. Его теория архетипов в контексте индивидуации личности, становления Самости открыла новый и плодотворный взгляд на сущность и смысл культуры и искусства. Юнгом написано много и вполне доходчиво, как и о его трудах. Однако в исследовательской тени все еще остается самое, пожалуй, многозначительное и загадочное его откровение. Это самобытный текст – самолично возведенный им Дом-Башня. Он стал душеизъявлением всей его жизни, почему и строился-перестраивался непрерывно – согласно насущным переживаниям, индивидуации автора. Уникальный художественный текст всецело преисполнен универсальными первообразами – архетипами, считывать которые увлекательно и поучительно. Правда, для этого востребован адекватный методологический подход, основанный на герменевтической парадигме и выразительном языке зодчества. В результате семантико-символическое содержание Дома-текста раскодировано в процессе интерпретации не отдельных слов и понятий, но мифологем, первообразов в их развернутой контекстуальности, в пространственно-временном развитии.

Ключевые слова: Карл Густав Юнг, дом, самость, индивидуация, архетип, символ, миф, мандала, текст, башня, камень, огонь, вода, воздух.

(Искусство и культура. – 2020. – № 4(40). – С. 63–70)

THE HOME-SAMOST (SELF) OR THE MUSEUM OF THE FUTURE IN DREAMS-REALITY (between the 145th anniversary of the initiative and the 60th anniversary of K.G. Jung's (1875–1961) death)

Morozov I.V.

Education Establishment "Belarusian State University of Culture and Arts", Minsk

The unique personality of Karl Gustav Jung who was the founder of the deep psychology and significantly influenced the whole anthropological system stands out among the contemporary thinkers. His theory of archetypes in the context of the personality individuation, maturation of the Self revealed a new and fruitful look at the essence and meaning of culture and art. Jung wrote a lot and quite intelligibly, his works are also much written about. However, his most otherwise significant and mysterious revelation still remains in the research shade. This is an original text, the personally built by him Home-Tower. It became a soul manifestation of his entire life; that is why it was built and rebuilt repeatedly according to the author's vital experiences, his individuation. This unique artistic text is totally based on universal primary images, archetypes, the reading of which is exiting, impressive and instructive. At the same time an appropriate methodological approach based on the hermeneutic paradigm of the expressive language of architectonics is required for this. As a result, the semantic and symbolic content of the Home-Text is decoded in the process of the interpretation not of separate words and notions but of mythologemes, primary images in their unfolded contextuality, in the space and time development.

Key words: Karl Gustav Jung, home, self, individuation, archetype, symbol, myth, mandala, text, tower, stone, fire, water, air.

(Art and Cultur. – 2020. – № 4(40). – P. 63–70)

Адрес для корреспонденции: ivm2010@rambler.ru – И.В. Морозов

Так вечный смысл стремится в вечной смене
от воплощения к перевоплощению
Гёте «Фауст»

Многочисленные письменные труды Карла Густава Юнга заслуженно стали хрестоматийными. Они весьма известны образованному и гуманитарно, и технарю. Такие рукописи, как говорится, не горят в огне времен и не пропадают в перипетиях мировоззренческих парадигм. Однако в тени известности остается наиболее сокровенным творение автора современной теории архетипов, создателя аналитической (глубинной) психологии. То, что родилось из необычного ощущения: *«только слов и бумаги мало – необходимо найти нечто более существенное... Иными словами, я должен был закрепить мою веру в камне»* [1]¹.

Так возникает весьма странная Башня, в которой воплощается *«не только глубокое удовлетворение, но и некий смысл»*. Благодаря этому мир одаривается уникальными скрижалями с откровением самоищущей Самости. Посему и ныне она, как достойный философский концепт, поэтический шедевр, остается неисчерпаемым в проникновении и трактовке.

Цель исследования – попытаться восполнить лакуну в понимании великого мыслителя, найти ключ к истолкованию его творчества и воззрений на примере его самодомостроительства, его Дома – самобытного текста, основанного на интерпретации мифологем и архетипов; охарактеризовать мировоззренческие и культурологические последствия его феноменального Дома.

Предшествование. К сотворению уникального артефакта подвигает эмоциональный кризис, постигший Юнга в 1912 году вслед за принципиальным разрывом с Фрейдом, отлучением от психоаналитического сообщества, провалившего его книгу, обозвавшего автора мистиком, лишившего исследовательских ориентиров, духовной почвы под ногами, оставившего без друзей... Поворотный пункт в его исследовательском творчестве. Точка невозврата...

«Одиночество заключается вовсе не в том, что никого нет рядом, суть его в невозможности донести до других то, что тебе представляется важным, или отсутствию единомышленников... Знающий больше других всегда остается одиноким».

Знающий самого себя единит в себе-собой весь жизненный опыт предков, а значит и современников, и потомков в их неслышном

¹ Здесь и далее курсивом выражения и цитаты из этого же издания.

трансисторическом общении. Меж тем *«общение приносит плоды именно там, где каждый помнит о своей индивидуальности, не идентифицируя себя с другими».*

Можно представить, как в таком вот одиночестве он не спеша выходит на берег, что давеча, после смерти матери в 1922 году, был приобретен у Цюрихского озера в местечке Боллинген. И идет, оглядываясь по сторонам, пока магическое врожденное чувство геоманта не подсказывает: *здесь!* Он останавливается, невольно поворачивается живым циркулем, словно устанавливал самособой исходную точку, и радиусами взора намечает границы вожделенного жилища – примитивного круглого, которое впоследствии поименовалось Башней (нем. *Turm*). Чувство космогонии вселяет трепет и вдохновляет одолеть внутренний хаос и состояться Демиургом, преисполненным ритуалом местоутверждения. Ибо он задумал не тайник отшельника, не убежище изгоя, но спасительный чертог Самости. Посему полагаются не на позитивные знания, но на чувство нереальности происходящего, смутное наитие, грезы, знакомые каждому истому Творцу.

«Я строил как бы во сне. Только потом, взглянув на то, что получилось, я увидел некий образ, преисполненный смысла: символ душевной целостности».

Сопутствует его чувствам восточная мудрость, которую он проникновенно принимает. А она ненавязчиво гласит: разве что обыкновенные люди трудятся, не покладая рук. Мудрый же поступает, не умствуя, ведь для десятков тысячелетий – мгновение. А вещи не разрознены сами по себе, вмещают друг друга [2].

И образы наваливаются на взволнованного Юнга стихийной толпой, не поддающейся рациональному осознанию.

«Ценой огромных усилий я старался осмыслить каждый отдельный образ, каждый устойчивый элемент бессознательного, и настолько, насколько это удавалось, упорядочить их на каком-то рациональном основании, а главное, установить их связь с реальной жизнью».

Внеясность обволакивает туманом, в котором предстояло найти верный путь-решение. И он... успокаивается, расслабляется, словно медитируя. Так что выбор снисходит озарением: Мандала!

Такому прозрению, просветлению исстари учит Восток, отказывающийся от всяческих

усилий: будь легким, вот и всё, делай легко, и будешь прав [2].

«Когда я выяснил, что выражает мандала, я достиг своего конечного знания».

Особого знания – как высвечивание в «ночной душе» (Платон), как черпание из темноты архетипического кладезя. Потому как Мандала – культурный феномен, известный еще индоевропейской архаике. Олицетворение материнского начала, собирающее даль дальнюю и одновременно распускающее ее на все четыре стороны. Пульсация сродни вселенской, где великий взрыв фактически безразмерной «первоточки» породил все разлетающееся безграничье, предполагающая столь же великий схлоп. Притом что и тот, и другой различает разве что темпоральная продолжительность, а она относительна, чувственна, духовна.

«Наша психическая структура повторяет структуру Вселенной и все происходящее в космосе, повторяет себя в бесконечно малом и единственном пространстве человеческой души».

Так что исходно-приходный мироздательский Центр может быть везде-всегда по велению Демиурга, которое априори предопределено бессознательной образностью и потаенной универсальностью первоточки, магического семени бытия, мистического репера превращений. Когда Сокрытое Сокрытого пожелало раскрыть Себя, оно, прежде всего, создало первую точку для того, чтобы она в бесконечности совершенно неизвестной прорвалась в состояние проявленного [3].

Искони формальная геометрия-идея мандалы – последовательно вписанные друг в друга круги и квадраты от исходной точки-центра – конгениально выражает наше концентрическое миропредставление. Круги символизируют естественную предустановленность события Места. Квадрат же несет печать рукотворной, волевой организации. Это и есть перманентная пульсация центробежного и центростремительного, экстравертивного и интровертивного движения-развития...

...1923 год. Рукотворная Мандала Юнга находит свою первоточку словно самоцель. С нее проходящий самобытную инициацию Демиург *«собирался строить не дом, а лишь какую-нибудь одноэтажную времянку, круглую, с очагом посередине».* Ему виделось подобие африканской хижины, центр которой – обложенный камнями огонь, знаменующий средоточие всего, что происходит в доме.

В итоге – маленькая круглая «материнская башня», почти полностью сделанная

из камня, с шестиугольной конической крышей. Она сосредоточена на себе самой и держит круговую оборону в невнятном хаосе окружения. Доступ туда один – через похожую на расщелину дверь, как у первобытной пещеры, утробы божественной Геи.

1927 год. От материнской точки Дом раздается в окружность с прибавкой двухэтажного крыла. Появляется больше окон на первом этаже, а также еще один более широкий вход. Открывается вовне и жилое пространство, обретая фойе, нижний кабинет и гостевую. Дом теперь обращается к озеру, приветливо вторя его лукоморью.

1931 год. *«Со временем чувство беспокойства вновь овладело мной. В таком виде постройка по-прежнему казалась мне слишком примитивной».* На самом деле Мандала уже заразилась центростремительной, интровертивной интенцией. До того прямолинейное завершение крыла Дома округлилось, образовав полузамкнутый внутренний двор. Из башенки выросла Башня.

«В ней я хотел иметь некое пространство, принадлежащее только мне».

Дабы иметь возможность остаться наедине с собой и углубиться в медитацию, занятие йогой. Дом вновь сжимается до самостной комнаты-точки.

«В моей комнате я был один».

Ключ от «святыя святых», словно нателный крест, всегда при нем.

«И никто не смел входить туда без моего разрешения».

Так потаенный закуток Дома оказывается *«частью личности»*, его «я». Углубление в этот феномен позволяет ему прийти к центральному понятию его учения: к процессу *индивидуации*.

Несколько лет он, уподобившись пещерному архехудожнику, расписывает стены, изображая все, что уводило обыденности и нынешности, уносило в безвремяе. И так он отвоевал *«волю своему воображению»* в этом храме *«духовного сосредоточения»*. Выдающееся же место в заведомо камерной фресковой экспозиции занимают цветные фамильных гербы предков.

Первоначально герб Юнгов возглавлял феникс – символ молодости и возрождения. Но затем дед домоврожденного автора Башни внес существенное изменение, отдавая предпочтение своим масонским святыням, будучи Великим мастером Швейцарской ложи «вольных каменщиков».

«Я привожу этот факт,... потому, что он исторически связан с моей жизнью и моими размышлениями».

1935 год. Увлекаемый желанием *«захватить клочок собственной земли, обладать каким-то естественным пространством под открытым небом»*, Юнг вновь придает Мандале центробежное движение. Башня уверенно направляется в округу двором и лоджией на берегу озера.

Во внутренний плотно прикрытый стенами двор ведут две большие двери на тяжелых петлях. Теперь, прежде чем войти в дом, нужно войти во двор, что создает атмосферу защищенности и приватности. А лоджия, четвертая пристройка, прикрывает обзор озера изнутри двора. Может показаться, что перед нами затворнический изолятор. Но Мандала продолжает дышать теперь уже небесным простором, поскольку лоджия вбирает в себя небольшую гостиную с внушительным очагом и маленькими окнами, устремленными поверх стен на озеро и далее, далее... А попасть на это «небо» в сферу открытого уединения можно лишь по специальной приставной почти мифической ветхозаветной лестнице, что уперлась в «камень Иакова»...

...И только значительно позже Юнг обращает внимание на четырехлетний цикл пульсации его Мандалы. И, очевидно, весьма удовлетворяется этим знаменем как подтверждением архетипического символизма числа «4», имманентно выказывая и круг, и квадрат с их незыблемой верностью Центру. Мистическая квадратура круга и круготура квадрата.

Проходит еще пять раз по четыре года. Дом-Мандала находит новый, точнее повторно-изначальный печальный импульс к развитию.

«После того как в 1955 году умерла моя жена, я ощутил некую внутреннюю потребность сделаться тем, кто я есть, стать самим собой».

А она вновь заставляет обратиться к переустройству Дома-Мандалы.

«Если перевести это на язык домостроительства – я неожиданно осознал, что срединная часть, такая маленькая и незаметная между двумя башнями, выражает меня самого, мое “я”».

И Мандала своеобразно отрывается от этой знаменательной временной точки и выпускается многоцветьем побегов.

Тогда пристраивается еще один этаж. Прежде Юнг не решался на такое – *«это казалось мне непозволительной самонадеянностью»*. Но в подобном акте на самом деле *«проявилось превосходящее сознание своего эго, достигаемое лишь с возрастом»*.

С помощью своего сына Франца, архитектора, Дом удостаивается весьма

значимой-обширной верхней комнаты в три больших окна с панорамным обзором гор за озером. По земельной горизонтали Мандала пустилась в плавание по озеру причалом для лодок.

...Итак, Мандала, следуя за своим творцом, достигает своей зрелости. Из опасяющегося влияния извне затворника Дом со своими квазикрепостными башнями, брутальными грубыми дверями, окнами в решетках и ставнях, брутальными стенами, внутренним и внешним двором со рвом приподнимает свое забрало. И предстает вполне приветливым, оптимистичным, жизнеутверждающим, напоминая собрание близких людей, дружную семью, мирное поселение.

Предтечей же тому, по обыкновению Юнга, становится сон.

«А вот мой сон о мандале... Поднявшись, мы увидели перед собой широкую слабо освещенную площадь, с множеством выходящих на нее улиц. Город имел радиальную структуру, с площадью в центре. Посреди площади находился круглый пруд, а в центре пруда – маленький остров. На нем росло единственное дерево...»

Ощущение от того благодатное – *«некой окончательности, завершенности... Сон объяснил мне, что самодостаточность, самость – архетипический смысл и принцип определения себя в этом мире»*.

Мандала обнаруживается *«символом душевной целостности»*, источником *«целительной силы»* еще и потому, что обладает анимирующей магией гармонии человека с природными стихиями.

«Порой я ощущаю, будто вбираю в себя пространство и окружающие меня предметы. Я живу в каждом дереве, в плеске волн, в облаках, в животных, которые приходят и уходят, – в каждом существе».

Вот почему в Башне нет ничего, что не увлекалось бы током изменений, произрастаний, с чем бы не чувствовались живительная связь и всевовлеченность в общую бытие-событийность.

«По сути это целостность самости..., а с мифологической точки зрения – возникновение в человеке божественного начала...».

Поэтому Башня не столбит, но выказывает порогом в безмежный мир бессознательного. А в нем царствует сопричастность с естественным и простотой в *«in modest harmony with nature»* (в хрупкой гармонии с природой. – англ.). Так и в Башне исходно правит благодатный отказ от электричества во имя естественного огня-тепла печи и старинных свечных ламп, от водопровода в пользу

колодезной «живой воды», от телефона, наглого убийцы тишины, от асфальта, вытравляющего землю.

Земля. Камень. Естественные горы-скалы и восставшие по воле человека камни-мегалиты, башни, выдающиеся в ландшафте, – архаические ориентиры, местоуказующие доминанты, точки отсчета-схода всех возможных движений в экзистенциальном пространстве и «оси мира». Они Центры собирания вокруг себя бытия племени-общины, целой культуры подобно античному «пупу» – Омфалу.

Так и Башня, выросшая из Земли и корни пустившая в глубь космогонического мифа, сразу обрела неписанный статус «*материнского лона*», места зрелости, где даровалась способность обратиться одновременно в то, чем был, есть и будет ее Демиург. Она преисполняет магическим ощущением перерождения, питая предчувствие *индивидуации*, утверждения в самом себе. И это свербило уже в детских воспоминаниях-порталах бессознательного. А памяти вновь ярко предстал вросший в землю большой камень.

«Мой камень... Я сижу на этом камне, я на нем, а он подо мною».

Отсюда и вопрошание о сути «я» с невозможностью дать ясный ответ: «я – сидящий на камне или я – камень, на котором некто сидит?». Волнует «ощущение странной и чарующей темноты, возникающей в сознании», и свободы от сомнений: «этот камень тайным образом связан со мной».

Интимное, доверительное, вдохновляющее общение с Камнем служит страждущему «каменщику» лечебным отдохновением, для Камня же – преобразующим одушевлением. Эта взаимная увлеченность сохраняется навсегда.

«В 1950 году я решил запечатлеть в каком-нибудь памятнике из камня все, что значила для меня Башня».

И непредсказуемая судьба награждает его сим Камнем.

Когда ему потребовались камни для постройки стены вокруг сада, он заказывает их на каменоломне, четко расписав их очертания и размеры. Однако по ошибке камнетесов ему доставляют внушительный монолитный куб. Что это не ошибка и даже не случайность, но дар, предтеча новой стадии идентификации, Юнг прочувствует сразу, отказавшись возвращать его.

«Нет, этот камень – мой, пусть он останется у меня!».

Вскоре его же рукой оставляется надпись со словами одного из средневековых алхимиков:

*«Вот лежит камень, он невзрачен,
Цена его до смешного мала.
Но мудрый ценит то,
Чем пренебрегают глупцы».*

Отринутое влечет-пленяет, удивляет-порогает именно своей неприспособляемостью к типовому, обычно-доступному, и зарядом уникальной энигматичной экзегетики.

«Камень, который отвергли строители, сделался главою угла: это – от Господа, и есть дивно в очах наших» (Псалом 118:22).

Так он «*позволил камню говорить самому за себя*».

И его Юнг положил не в забор преткновения, но спудом сомнений на разум-сердце свое. На стороне, обращенной к озеру, камень «признается» на опять-таки алхимической латыни:

*«Одинок я в сиротстве своем,
но найти меня можно всюду.
Я един, но сам себе противопоставлен.
По горам и лесам странствую я,
но скрыт я во человеках.
Для каждого я смертен,
но не подвластен времени, переменам».*

Некогда петроглифы, концентрирующие в себе изначально вполне прагматические знания-опыт фиксации маршрутов и знаменательных мест, стали символом не только нахождения нужного Пути, но и духовного сродства людей в пространственно-временном континууме. Именно в этом смысле Камень – «праматерь мира». Поэтому самое раннее, самое элементарное из всех искусств обращается к нему [4]. Свой философский Камень, *lapis philosophorum*, обратил еще и в символ Самости человека-человечества.

Последний Каменный ритуал Юнг совершает с тремя плитами, установленными во дворе Башни и запечатлевшими имена его предков.

«Высекая имена на каменных плитах, я чувствовал, что между мной и моими предками существует какая-то роковая связь».

И это всегдашнее ощущение зависимости от них, «от того, что они не дорешили, от вопросов, на которые они не ответили». И в том была ответственная убежденность в необходимости «*продолжить то, что они не исполнили*».

Огонь. Его символическая дуалистичность общеизвестна, поскольку архетипична и обнаруживает противоположную семантику – Добро-Зло. «Огонь – это сияние Рая и пекло Преисподней, ласка и пытка. Это кухонный очаг и апокалипсис». Он фиксирует Место доверительного откровения, когда душа

страдающая поделится и своими воспоминаниями, и своими горестями. Огонь, заключенный в очаг, впервые побудил человека к мечте, стал символом покоя... [5]. Посему с раннего детства завораживает, приглашая к трепетной игре воображения и полету мечтаний.

«...я любил играть с огнем».

А затем память неотменно отсылает Юнга в первовремя, к дому родителей, к каменной стене его сада. В ней между камнями мальчишка Карл Густав некогда облюбовал стихийное углубление, где вместе с другими сверстниками часто разводил маленький костер, уподобляясь языческим устроителям капищ.

«Однако никто, кроме меня, не имел права поддерживать этот огонь... Только мой огонь был живым и священным».

Отсюда исходная мысль соорудить не дом, соответствующий его достатку, возможностям и представлениям о комфорте, но некую временянку, круглую, Ему *«виделось что-то вроде африканской хижины, в центре которой, обложенный камнями, горит огонь, и это – семейный очаг, средоточие всего, что происходит в доме».*

Вода. *«С самого начала я мечтал иметь дом, построенный у воды».*

Вода обладает воистину волшебными качествами. Про-из-водный от нее – неисчерпаемый кладезь образов, также предельно разноточных. Она одаривает и губит. Орошает и топит. Крестит и омывает...

Ныне доказывают, что Вода помнит, разборчиво реагирует на доброту-ненависть, на наши чувства-переживания, способствуя гармонии и успокоению. Словом, живет, как органическая экзистенция – «живая» и «мертвая». Как естественно-метафизический канал пространственно-временных сообщений. В том числе и с потусторонним миром, куда переправлялись умершие стараниями Харона.

«Капли могущественной воды достаточно и для того, чтобы сотворить мир... Для грез о могуществе нужно не более капли, воображаемой вглубь» [6, с. 28].

Именно в сей глубине-омуте и обитает тайна бездонная. И нет лучшего средства защитить свое хрупкое и столь зыбкое ощущение индивидуальности, чем обладание некоей тайной, которую желательно или необходимо сохранить.

«Человек должен осознавать, что живет в мире, полном тайн, что всегда остаются вещи, которые не поддаются объяснению, что его еще ждут неожиданности... Жизнь без них была бы неполной, скудной».

Воздух. Он вольготен, независим от Места и неуловим. Ему подвластны любые воплощения:

дуновение, ветерок, ветер, буря, ураган, шторм и полный штиль. Динамичные. Ветер – неумная импровизация, поиск, наполняющий паруса творчества и порыв, раздувающий Огонь страстей. «Ветер возбуждается и впадает в уныние. Он то кричит, то сетует. От неистовства он переходит к подавленности...» [7, с. 142].

Он предначален и всегда как бы везде-нигде, между-посреди, как ветхозаветный Дух Святой, что вольготно носился между Небом и Землей до Творения. И после тоже, обдувая и обветривая всякую Башню, увлекая ее в круговращения бытия, в трепет и спокойствие безпотошной выси.

С виду неподвижная Башня в мистике воздухотока подтверждает, что все течет-протекает, все веет-дышит, изменяясь. Почему и нет там истины в конечной инстанции, брутальной каменной стены для воображения и поиска. Но есть бесконечный взлет сомнений и откровений.

«Я ни в чем не уверен. У меня нет определенных убеждений в отношении чего бы то ни было, нет и абсолютной уверенности. Я знаю только, что я родился и что существую, что меня несет этот поток...».

«Во мне нет ничего определенного, как в младенце, еще не достигшем детства. Я как будто несусь, но не знаю, куда и где остановлюсь» («Дао дэ Цзин») [8, с. 20].

Старо и одновременно ново-свежо, как мир. Ведь «личность – это дао» [9, с. 323]. Живительный поток времени есть поток мыслей-образов... и наоборот. В протоках человеческого бытия-сознания и образовался неисчерпаемо плодородный «осадок коллективного бессознательного», с незабываемыми всплесками-озарениями.

«Никогда не забуду это мгновение – будто короткая вспышка необыкновенно ярко высветила особое свойство времени, некую “вечность”, возможную лишь в детстве».

Водоворот времен. Детство в предках и предки в детстве. Мандала времен с неизъяснимым психолептическим действием.

«Мысли увлекают меня далеко назад, в глубь веков, или наоборот – в столь же отдаленное будущее».

И, принимая в себе магию ограниченной бесконечности, мы обретаем дар обнаружения и обретения бесконечности.

«И только так!».

И только так стихийность Самости становится ее же стихией.

...И все стихии

Так в нем соединились, что

Могли б сказать: «Он человеком был!».

(У. Шекспир. «Юлий Цезарь»).

«В моей Башне в Боллингене я чувствую себя так, словно живу одновременно во множестве столетий. Башня переживет меня, хотя все в ней указывает на времена давно прошедшие».

В этом был имманентное одоление боязни проникновения Вечности в обыденную жизнь и признание ее блаженным ощущением собственного вневременного исполнения, «когда настоящее, прошлое и будущее сливаются воедино». Дабы проникнуться созидательной любовью к пращурам, будучи их наследниками и преумножателями их миропреобразующего опыта-достояния.

«В Башне нет ничего, что могло бы не понравиться душам предков».

Ведь это нужно не столько им, сколько еще живущим и неудовлетворенным состоянием Самости, скудостью воображения и палитры образов.

«Наши души, как и тела, состоят из тех же элементов, что тела и души наших предков. Чем менее мы понимаем смысл существования наших отцов и прадедов, тем менее мы понимаем самих себя».

Последствие. Ныне боллингенское владение Юнга принадлежит потомкам и закрыто для доступа сторонних посетителей. Окончательный схлоп юнгианской Мандалы? Напротив, она дала-пускает побег в еще более обширную ойкумену-времена. Могильный камень творца Дома-Мандалы на фамильном кладбище в Кюснахте отмечен тем же признанием, что Юнг впервые выбил на камне, нашедшем свое место непосредственно внутри входа в первоначальную Башню: «VOCATOS ATQUE NON VOCATUS DEUS ADERIT» (Зван или нет, Бог является).

И можно сказать: Бог возвращается. (Такое может звучать вполне оптимистично после знаменитого ницшеанского: «Бог умер!»). Чем не признание мгновечной мандалной индивидуации?

Нынешняя реабилитация мифа – его отзыв-зов. То есть усмотрение того, что наша повседневность обусловлена не только сознанием, что «без нашего ведома в нас живет бессознательное». И юнгианский Дом помогает, чтобы это происходило все-таки с нашего ведома и иррациональный, наитивный, интуитивный путь миропознания не изгонялся как еретик отшлифованным доказательствами разумом.

«Абсолютная власть разума то же самое, что политический абсолютизм: она уничтожает личность».

Это есть наиболее яркая «критика чистого разума» (И. Кант). Упование не столько

на «здравый смысл», сколько на воображение. А оно «без конца возвращается к исходным темам, неустанно воспроизводит работу примитивной души, вопреки достижениям высокоразвитой мысли и выводам научных экспериментов» [5, с. 16].

«Жаль, но мифологическая сторона человеческой натуры сегодня изрядно упростилась. Человек более не порождает сюжеты...»

Реабилитируются даже сновидения.

«Отсюда очень важно, обращаясь к снам, освободиться от предвзятых, доктринерских установок».

При этом бессмысленна, бесплодна, вредна «одинаковость» их толкований, свидетельствующая, что в них «есть некоторая предубежденность».

Отрываясь духовными корнями от прошлого, от естества, мы убиваем его в нас. Рвем живительную нить преемственности.

«Но именно утрата этой преемственности, этой опоры, эта неукорененность нашей культуры и есть ее так называемая “болезнь”».

Критическая болезнь модернистской массовой культуры.

«Рационализм и доктринерство – это болезни нашего времени, предполагается, что им известны ответы на все вопросы».

Поступательное, прогрессирующее, развивающееся без душевного переживания – абстрактные понятия. Как и возможности, которые проявляются из наличности к вероятному. То есть они отвечают синергетическому принципу синтеза бытия-становления. По сути единой Мандалы, вбирающей все Мандалы Самостей, объясняя состояние и порывы их душ.

«В них я видел себя, то есть все мое существо в его становлении».

Так в физически безопорном потоке сна-яви, несмотря на всю неуверенность, удается чувствовать «некую прочность и последовательность» в своем самостоянии и в своем бытии.

Самый что ни на есть алхимический и восточный мистицизм, из-за которого Юнг некогда был изгнан из психоаналитического сообщества, а ныне его берет на вооружение самая точная наука [10].

Последний прижизненный сон восьмидесятишестилетнего Юнга – большой белый камень с ясно-явной надписью: «Это будет знак тебе о целостности и единственности» [11, с. 347].

Бытие-время объемно, импульсивно, как голографическая Мандала. Мандала в метаисторическом контексте после сжатия сциентистскими парадигмами прогресса и

линейного времени распускается концепциями чувственности, переживания, «вечного возвращения» (Ф. Ницше) в истый Дом человеческого исполнения. Всякая периодичность, всякий ритм, всякий метр предполагают возвращение [12]. Что отнюдь не означает калечного повторения – презумпция жизнотворного и культуротворческого разнообразия.

Заключение. Следовательно, Самость Юнга не простилась с Домом, который был-будет восстоять-жить, причем, не сторожем архивных экспонатов – «руками не трогать!», но ориентиром будущего, виртуальным музеем предвидимых невоплощенностей – «ищите и найдете!». Ведь с гносеологической высоты этой «вневременной» Башни наяву виден человек существом не одномерным, но двойственным – «человеком дня» или (научного) разума и человеком «ночи» или (не научного) воображения. Иначе говоря, современный человек науки – существо испытывавшее, «*ставший человек*», хотя одновременно это и человек «*становящийся*», человек становления [13, с. 174].

В свою очередь это означает непрерывную пульсацию воображения: удивляться не привыкая, разочаровываться без отчаяния. И тем весьма довольствоваться собой, исполнением индивидуации, вовлеченной

в бессмысленный поток вечного «воплощения к перевоплощению».

«Я удивлен, я разочарован и я доволен собой».

ЛИТЕРАТУРА

1. Юнг, К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления / К.Г. Юнг. – Минск: ООО Харвест, 2003. – 496 с.
2. Чжуан-цзы. Лао-цзы. Философское наследие. Т. 123. – М.: «Мысль», 1995. – 250 с.
3. Уэйт, А. Каббала / А. Уэйт. – М.: Центрполиграф, 2011. – 365 с.
4. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: в 2 т. / О. Шпенглер. – М.: «Попурри», 2019. – Т. 1: Образ и действительность. – 656 с.
5. Башляр, Г. Психоанализ огня / Г. Башляр. – М.: Прогресс, 1994. – 61 с.
6. Башляр, Г. Вода и грезы. Опыт о воображении материи / Г. Башляр. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998. – 268 с.
7. Башляр, Г. Грезы о воздухе. Опыт о воображении движения / Г. Башляр. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 1999. – 344 с.
8. Лао Цзы. Дао дэ Цзин / Лао Цзы. – М., 2018. – 69 с.
9. Юнг, К.Г. Становление личности / К.Г. Юнг // Конфликты детской души. – М.: Канон+, 1997. – 336 с.
10. Капра, Ф. Дао физики / Ф. Капра. – СПб.: ОРИС, 1994. – 304 с.
11. Hannah, B. Jung: His Life and Work / B. Hannah. – Wilmette, Illinois, Chiron Publications, 1997. – 415 p.
12. Фаритов, В.Т. Идея вечного возвращения Ф. Ницше: между философией и поэзией / В.Т. Фаритов // Философская мысль. – 2017. – № 4. – С. 55–69.
13. Башляр, Г. Новый рационализм / Г. Башляр. – М.: «Прогресс», 1987. – 202 с.

Поступила в редакцию 14.07.2020